

Harry Bates - Farewell to the Master - 1940

ГАРРИ БЕЙТС

ПРОЩАНИЕ С ПОВЕЛИТЕЛЕМ

ВСТУПЛЕНИЕ

Гарри Бейтс появился на свет в 1900 году, получив при рождении имя Хирам Гилмор Бейтс III. Он начал работать редактором в «*Clayton Magazines*»¹ где-то в 1920-х годах, и именно за редакторский вклад в научную фантастику его помнят лучше всего. Будучи основателем журнала «*Astounding Stories of Super-Science*», сменившим вскоре название на более короткое — «*Astounding Stories*», Бейтс смог существенно изменить направление развития жанра научной фантастики.

Тогда как журналы Гернсбека², особенно «*Amazing Stories*», содержали чрезмерные дозы «научности», Бейтс заставлял своих авторов уделять особое внимание динамичности сцен и проработке сюжетных ходов. Научно-фантастические аспекты должны были выглядеть правдоподобно и подаваться небольшими порциями. Бейтс смог добиться того, что рейтинг «*Astounding*» стал в 4 раза выше, чем у других аналогичных изданий, а неизменное качество подобранных текстов восхищает и поныне. К сожалению, его редакторских усилий, приложенных к продвижению «*Astounding Stories*» и журнала ужасов «*Strange Tales*», не хватило, чтобы помочь «*Clayton Magazines*» удержаться на плаву. Только 34 выпуска «*Astounding Stories*» и 7 номеров «*Strange Tales*» увидели свет до банкротства издательства в 1933 году.

Бейтс сочинял рассказы, совмещая редакторскую и писательскую деятельность. Многие из них создавались в со-

---

¹ «*Clayton Magazines, Inc.*» — американское издательство. (Здесь и далее примеч. переводчика)

² Хьюго Гернсбек (1884-1967) — американский писатель, редактор, издатель.

авторстве с Десмондом У. Холлом³, который в ту пору занимал должность помощника редактора. Большинство их творений было напечатано в «*Astounding Stories*» под совместными псевдонимами Х. Б. Уинтер и Энтони Гилмор. Бейтс после краха «*Clayton Magazines*» опубликовал несколько произведений под собственным именем, некоторые из которых по счастливой случайности появились в возрождённом журнале «*Astounding Science-Fiction*», выпускаемом «*Street & Smith*»⁴ под редакцией Джона В. Кэмпбелла⁵. Однако нет никакой информации о прозе Бейтса, написанной позднее 1952 года. Вся его дальнейшая жизнь кажется своеобразной загадкой, поскольку отсутствуют доподлинные сведения о том, чем он зарабатывал свой хлеб насущный по окончании 1933 года, или какие-либо достоверные свидетельства, указывающие на устойчивые деловые связи со сферой научной фантастики с момента разорения «*Clayton Magazines*». Он скончался в 1981 году, по большей части забытый жанром, которому помог сформироваться.

Без учёта редакторских статей, вероятно, память о Бейтсе как о писателе была бы сегодня предана забвению, если бы не новелла «*Прощание с повелителем*». Опубликованная в октябрьском номере журнала «*Astounding*» за 1940 год, она даже не удостоилась упоминания на обложке, будучи в тени романа «*Слэн*» А. Э. Ван Вогта⁶. В конце концов, по ней сняли фильм «*День, когда Земля остановилась*»⁷, но сюжет послужил лишь базовой основой для написания кино-

---

³ Десмонд Уинтер Холл (1909-1992) — американский писатель, редактор, издатель.

⁴ «*Street & Smith Publications, Inc.*» — американское издательство.

⁵ Джон Вуд Кэмпбелл (1910-1971) — американский писатель, редактор, издатель.

⁶ Альфред Элтон Ван Вогт (1912-2000) — американский писатель.

⁷ Экранизации:

«*The Day the Earth Stood Still*» / «*День, когда Земля остановилась*» (1951, режиссёр Роберт Уайз);

«*The Day the Earth Stood Still*» / «*День, когда Земля остановилась*» (2008, режиссёр Скотт Дерриксон);

«*The Day the Earth Stopped*» / «*Когда Земля остановилась*» (2008, режиссёр Си Томас Хауэлл);

«*Gort*» / «*Горт*» (2021, режиссёр Крис Р. Нотариле).

сценария и претерпел множество серьёзнейших преобразований.

В оригинальной версии, представленной здесь, проницательный читатель сразу же заметит, что робота зовут не Горт, а Гнут. Знаменитая фраза «Клаату барада никто» также отсутствует, и у Клаату нет амурного интереса; любовная линия добавлена специально в угоду зрителю. Для большинства станет откровением финал истории, демонстрирующий замечательнейший пример ухода Бейтса от научно-фантастических условностей того времени и даже теперь, более 60-ти лет спустя, всё ещё отражающий воззрения, которые иногда являются недостатком нашего слишком человеческого состояния.

Надеюсь, вам понравится *«Прощание с повелителем»*.

Боб Гей
май 2004

I

Со своего наместа, устроенного высоко над музейным полом, Клифф Сазерленд внимательно изучал тень, отбрасываемую гигантским роботом. Затем он отвёл взгляд, задумчиво посмотрев себе под ноги на многочисленных посетителей, съехавшихся со всех уголков Солнечной системы, чтобы воочию лицезреть Гнута и корабль, а также послушать их невероятно трагическую историю.

Клифф сам испытывал неподдельный интерес к экспонатам, и не без причины. Так вышло, что он оказался единственным внештатным фоторепортёром на территории Капитолия, когда прибыли визитёры из Неизвестного, и ему посчастливилось сделать первые профессиональные снимки их корабля. Клифф стал непосредственным свидетелем событий, случившихся в последующие безумные дни. Он не единожды фотографировал восьмифутового⁸ робота, корабль, богоподобного убиенного посла Клаату и его внушительную гробницу в центре Приливного бассейна. И вот, поскольку произошедшее имело неоспоримую новостную ценность для миллиардов людей во всём обитаемом космосе, Клифф снова находился здесь, намереваясь нащёлкать очередную порцию кадров, но в ином «ракурсе».

В этот раз он хотел сделать снимки, на которых Гнут выглядел бы опасным чужаком, таящим в себе угрозу. Отснятый ранее материал не давал нужного эффекта, и Клифф надеялся получить его сегодня; однако свет был ещё не тот, поэтому пришлось ждать, пока полдень немного угаснет.

Последние из толпы, допущенные в нынешнюю экскурсионную группу, поспешили к таинственному пространственно-временному кораблю, восторженно восхищаясь

---

⁸ 1 фут = 30,48 см.

безупречностью его плавных зелёных изгибов, но тут же переключили внимание на суровую фигуру крупноголового Гнута. Шарнирные роботы грубого человекоподобного вида известны повсеместно, но никогда глаза людей не видели такого совершенства. Ибо Гнут обладал телосложением человека с зеленоватой металлической кожей и бугрящимися под ней мускулами. Из одежды на нём была лишь набедренная повязка. Он походил на могущественного механического бога какой-то неведомой высоконучной цивилизации, а на его строгом лице застыло выражение угрюмой задумчивости. Экскурсанты, глазающие на Гнута, не отпускали шуток и праздных замечаний, а когда находились в непосредственной близости, то предпочитали помалкивать. Ведь его светящиеся красные глаза посажены так, что всякий ротозей ощущал на себе пристальный взгляд гиганта. Казалось, что в любую минуту он может шагнуть вперёд, поддавшись внезапному порыву гнева, и сотворить невообразимое.

Из динамик, скрытых под потолком, донёлся лёгкий шелестящий звук, и робкий обмен мнениями сразу же угас. Вот-вот зазвучит заранее записанная лекция. Клифф вздохнул. Он знал её наизусть; даже познакомился с лектором, молодым парнем по фамилии Стиллвелл.

— Леди и джентльмены, — раздался уверенный и хорошо поставленный голос, но Клифф уже не слушал. Тени на безучастном лице и мощной фигуре Гнута залегли глубже; почти настал момент, подходящий для съёмки. Клифф достал и начал критически оценивать прошлые снимки, скрупулёзно сверяя их с предметом фотоохоты.

Он смотрел столь внимательно, что на лбу морщинка проступила. Клифф скорее почувствовал, чем заметил, что нечто едва уловимое изменилось в Гнута. Поза выглядела идентичной до мельчайших штрихов, но всё же ощущение сохранялось. Клифф взял в руки бинокль и более тщательно — деталь за деталью — сличил фотографии с экспонатом. И тут он *заприметил* разницу.

Клифф, охваченный неукротимым волнением, сделал два снимка с разными настройками экспозиции. Он знал, необходимо немного подождать и повторить фотосъёмку, но настолько уверовал в сенсационность открытия, что ре-

шил уйти прямо сейчас. Быстро сложив снаряжение, Клифф спустился по лестнице и незамедлительно покинул музей. Двадцать минут спустя он, снедаемый любопытством, проявлял плёнку в номере отеля.

То, что увидел Клифф, сравнив прежние и сегодняшние фотографии, заставило его вздрогнуть. Несомненно, имелись отличия! И только Клифф знал об этом! Но его открытие, хотя и попало бы на первые полосы всех газет Солнечной системы, в конечном счёте, являлось лишь малюсенькой зацепкой, позволяющей прикоснуться к тайне. События последних месяцев он знал не лучше и не хуже других. А его работа, в конце концов, заключалась в установлении истины.

Следовательно, Клифф должен спрятаться внутри музея и провести там всю ночь. Сегодня же; он ещё успеет вернуться до закрытия. Необходимо лишь взять небольшую инфракрасную камеру, способную фотографировать в темноте, чтобы выяснить реальное положение вещей.

Схватив нужную камеру, Клифф вызвал аэротакси и поспешил обратно в музей. Народу было столько, что яблоку негде упасть, а очередная лекция как раз близилась к завершению. Клифф возблагодарил Небеса за то, что договорённость с руководством музея позволяла ему входить и выходить по собственному желанию.

Он уже составил примерный план действий. Для начала Клифф направился к «витающему в облаках» охраннику и задал единственный вопрос, а когда услышал ожидаемый ответ, то на лице фоторепортёра отразилось предвкушение приключения. Осталось найти укромный закуток, где можно укрыться от глаз служащих, закрывающих музей на ночь. Имелось только одно такое местечко — лаборатория, сооружённая позади корабля. Клифф смело предъявил журналистское удостоверение охраннику, заявив, что пришёл взять интервью у учёных; и через пару минут очутился у заветной двери.

Внутри он бывал много раз и неплохо знал помещение. Всевозможное тяжеловесное оборудование заполняло огромное одноэтажное строение, предназначенное для работы учёных, пытающихся проникнуть на борт корабля. Здесь

наличествовали электрические и воздушные печи, бутылки с химикатами, асбестовые листы, компрессоры, тазы, ковши, микроскопы, а также неисчислимый инвентарь поменьше, характерный для научно-исследовательской металлургической лаборатории. Троица в белых халатах оказалась глубоко поглощена неким экспериментом, проводимым в дальнем углу. Клифф проскользнул внутрь и, уловив удобный момент, нырнул под стол, наполовину заваленный приборами. Там он почувствовал себя относительно защищённым от обнаружения. Скоро рабочий день закончится, и учёные разойдутся по домам.

Клифф слышал, как приближается последняя на сегодня экскурсионная группа. Он устроился как можно удобнее. Через минуту начнётся лекция. Клифф улыбнулся, когда подумал о некотором упрощении фактов, имеющемся в ней.

И вот послышался голос Стиллвелла. Шарканье ног и неловкие разговорчики стихли, поэтому Клифф различал каждое слово, несмотря на преграду.

— Леди и джентльмены, — полились знакомые слова, — Смитсоновский институт приветствует вас в своём новом межпространственном крыле, где представлены изумительнейшие экспонаты.

Короткая пауза.

— Все вы, скорее всего, наслышаны о том, что произошло здесь три месяца назад, если, разумеется, сами не видели этого на телеэкранах, — продолжил голос. — Вкратце изложу хронологию событий. Около пяти часов вечера 16 сентября жители и гости Вашингтона прогуливались возле музея в каждодневном количестве, без сомнения, с праздными мыслями в головах. Погода стояла тёплая и солнечная. Экскурсанты выходили из дверей, располагавшихся в том направлении, куда вы сейчас смотрите. Это крыло тогда ещё не возвели. Люди направлялись домой, несомненно, устав от долгого пребывания на ногах, осмотра экспонатов, посещения местных архитектурных достопримечательностей. И тут случилось нечто невероятное. На площадке, что справа от вас, появился корабль, способный преодолевать пространство и время. С быстротой молнии

предстал он перед глазами ни о чём не подозревающей публики. Десятки очевидцев утверждали, что объект не спустился с небес; он просто материализовался из воздуха. Только что его не было, а в следующее мгновение он уже есть. С тех пор корабль остаётся всё на том же месте... Те, кто находились ближе всех к объекту, запаниковали и с криками бросились врассыпную. Приливная волна беспокойства прокатилась по всему Вашингтону. Репортёры, работающие на всевозможные радиостанции, телеканалы и газеты, безотлагательно устремились сюда. Полиция выставила оцепление вокруг корабля, а поднятые по тревоге армейские подразделения нацелили пушки и направили прожекторы. Опасались великой беды. Ведь с самого начала было ясно, что это не космический корабль из какой-либо известной человечеству точки Солнечной системы. Каждому ребёнку известно, что на Земле построено всего два корабля таких размеров, а на других планетах и спутниках — ни одного. Однако первый из них сгорел, попав в поле притяжения Солнца, а другой, как сообщалось, недавно прилетел на Марс. Мы изготавливаем корпуса из прочного алюминиевого сплава, а этот сделан из неизвестного зелёного металла... Корабль просто стоял. Никто не выходил, и отсутствовали признаки того, что на борту есть кто-либо живой. Это вызвало бурное волнение. Кто или что находится внутри? Визитёры настроены враждебно или дружелюбно? Откуда взялся корабль? Как он так одновременно возник, если не упал с неба?.. В течение двух суток объект покоился там, где вы его сейчас видите, не подавая признаков жизни. Учёные сошлись во мнении, что корабль не космический, а пространственно-временной, поскольку тот овеществился материализовавшись. Они отметили, что принципы подобного перемещения теоретически понятны, но при нашем нынешнем уровне знаний такие технологии на практике совершенно недоступны. Похоже, корабль явился из какого-то далёкого уголка вселенной, преодолев расстояние, на прохождение которого солнечному свету потребовались бы миллионы лет... Когда это мнение возобладало, напряжение в обществе возросло почти до предела. Откуда пожаловали визитёры? Кто они? Зачем прибыли на Землю? Почему не показывают себя? Может, готовят некое страшное оружие

массового уничтожения?.. А где у корабля входной люк? Те, кто дерзнули отправиться на поиски, отрапортовали, что ничего не нашли. Ни малейшей царапинки или трещинки, которая нарушала бы идеальную гладкость изогнутой поверхности корпуса. Кроме того, делегация высокопоставленных должностных лиц, соблаговолившая посетить место стоянки корабля, не смогла достучаться до его пассажиров. Наконец, ещё через два дня — на виду у тысяч столпившихся людей и под дулами десятков армейских орудий — в бок корабля сам собой образовался проём. Пандус скользнул вниз, и по нему спустился человек богообразной внешности, за которым шествовал гигантский робот. Когда они ступили на землю, пандус втянулся назад, а люк исчез, будто его и в помине не было.

— Всему многотысячному сборищу сразу стало ясно, что незнакомец настроен дружелюбно. Первое, что сделал визитёр, — это высоко поднял правую руку в универсальном жесте мира; но гораздо большее впечатление на ближайших зевак произвело его лицо, излучающее доброту, мудрость, чистейшее благородство. В своей изысканной мантии он походил на доброго бога... Незамедлительно, будто заранее предугадав вышеозначенное явление, большая группа полномочных правительственных чиновников и армейских офицеров выдвинулась, чтобы поприветствовать незнакомца. С неоспоримым достоинством мужчина указал на себя, затем на своего спутника-робота, произнеся на чистейшем английском языке со своеобразным акцентом: «Я — Клаату (или имя, которое звучало так), а это Гнут». Их имена на тот момент были не совсем понятны, но благодаря аппаратуре телевизионщиков они стали известны всем... И тут произошло то, что навсегда останется позором племени людского. С верхушки дерева, растущего в сотне ярдов⁹, сорвался фиолетовый луч, и Клаату упал. Толпа на мгновение замерла в ошеломлении, до конца не понимая, что произошло. Гнут, стоящий чуть сбоку, но немного позади своего повелителя, медленно повернулся к нему, дважды мотнул головой и замер в той позе, в которой вы

---

⁹ 1 ярд = 91,44 см.

его видите... Затем последовало столпотворение. Полицейские сняла с дерева убийцу. Они нашли его психически неуравновешенным; он без передышки кричал, что пришёл сам дьявол, дабы истребить всё живое на Земле. Безумца увели, а Клаату, хотя он явно был мёртв, поспешили доставить в ближайшую больницу, чтобы попытаться вернуть к жизни. Испуганные люди толпились на территории Капитолия до конца дня и большую часть ночи. Корабль пребывал в неподвижности, как и прежде. Гнут тоже... не сдвинулся с места, на котором остановился... Робот больше не шевелился. Он оставался таким всё последующее время. Когда строительство мавзолея в центре Приливного бассейна завершилось, похороны Клаату состоялись там, где вы сейчас стоите, с участием официальных представителей всех крупнейших держав мира. Это казалось не только самым правильным, но и дальновидным поступком, ибо если бы на борту оставались другие визитёры, что не исключалось, то на них должна была бы произвести впечатление искренняя скорбь землян по поводу произошедшего инцидента. У Гнута отсутствовали признаки жизни или, вернее сказать, работоспособности. Он бездействовал в течение всей церемонии. Робот сохранял неподвижность, пока тело его повелителя уносили в мавзолей и вверяли векам трагически короткую визуально-звуковую запись исторического визита. Так он стоял день за днём и ночь за ночью, под солнцем и под дождём, не шевелясь и не выказывая ни малейшего признака того, что осознаёт происходящее вокруг... Это музейное крыло построили, чтобы прикрыть корабль и Гнута. Ведь они оказались слишком тяжелы для безопасного перемещения любым из доступных способов.

— Вы слышали о попытках наших учёных-металлургов проникнуть внутрь корабля и об их полном провале. За объектом, как вы видите, оборудовано рабочее помещение, где проводятся эксперименты... Чудесный зелёный металл пока не поддаётся. Учёные даже не могут определить точное местоположение люка, откуда появились Клаату и Гнут. Меловые отметки на корпусе указывают лишь его приблизительное расположение... Многие опасались, что робот лишь временно вышел из строя и по воз-

вращении к работе может представлять реальную опасность, а потому учёные постарались минимизировать все шансы на это. Его зеленоватый металл оказался точь-в-точь таким же, как и у корабля, из-за чего вскрыть робота не удалось; однако учёные решились на применение особых процедур. Они пропускали через него электрический ток, окутывали газами, поливали кислотами, подвергали облучению и высокотемпературному воздействию. Теперь вам не следует тревожиться. Робот никак не мог сохранить способность функционировать... Но я обязан предостеречь вас. Администрация не потерпит никакого неуважения к экспонатам. Не исключено, что неизвестная могущественная цивилизация, из которой вышли Клаату и Гнут, отправит других эмиссаров, желая узнать судьбу её посланцев. Независимо от того, как будут развиваться дальнейшие события, ни один из нас не должен ошибиться в своём отношении. Никто не мог предугадать произошедшего, и мы безмерно сожалеем, даже в некотором смысле разделяем ответственность, поэтому должны сделать всё от нас зависящее, чтобы избежать возможного возмездия... Вам будет позволено задержаться ещё на пять минут, а затем, когда прозвучит гонг, пожалуйста, покиньте площадку. Роботы-секретари, ожидающие вдоль стены, ответят на любые вопросы... Смотрите внимательно, ибо перед вами одновременно стоят суровые символы величайших научных достижений, непознанных тайн и слабостей рода человеческого.

Лекция окончилась. Клифф широко улыбнулся, осторожно разминая затёкшие конечности. Если бы люди знали то, что ему известно!

Ведь камера запечатлела нечто такое, что не способен уловить обычный глаз. Например, на вчерашних снимках чётко видна граница между фигурными плитами пола у самого края ближней стопы робота; сегодня же *данная линия оказалась немного прикрыта*. Гнут придвинулся!

Или был передвинут, хотя вероятность ничтожно мала. Где подъёмные краны или иные свидетельства активной деятельности? Вряд ли подобное можно повернуть за одну ночь и настолько быстро скрыть все следы. И зачем вообще это нужно делать?

Тем не менее, чтобы удостовериться, Клифф задал во-

прос охраннику. Он почти дословно помнил ответ: «Нет, Гнут не шевелился и не перемещался с момента гибели Клаату. Особое внимание уделено тому, чтобы удержать робота в том положении, которое он принял после смерти своего повелителя. Строители сумели уложить пол непосредственно под ним, а учёные гарантированно его обездвигили, используя наиболее надёжные методы. Вам нечего бояться».

Клифф снова улыбнулся. У него не было никаких страхов.

Пока ещё не было.

II

Минуту спустя большой гонг над центральным входом возвестил час закрытия, и голос из динамиков объявил:

— Пять часов вечера, леди и джентльмены. Время прощаться, леди и джентльмены.

Трое учёных, словно удивившись, что уже так поздно, поспешно вымыли руки, переоделись в уличную одежду и исчезли за дверью, не обратив никакого внимания на молодого фоторепортёра, прятавшегося под столом. Топот ног по плитам пола быстро стихал, пока, наконец, не остались лишь шаги двух служащих, планомерно обходящих помещения. Один из них заглянул в лабораторию, затем присоединился к товарищу, ожидающему неподалёку. Вот лязгнули огромные металлические двери, и наступила тишина.

Выждав немного, Клифф выбрался из-под стола. Когда он вылезал, на полу у его ног раздался слабый дзинькающий звук. Машинально нагнувшись, Клифф обнаружил осколки тонкой стеклянной пипетки. Он абсолютно случайно столкнул её со стола. Это заставило осознать то, о чём фоторепортёр раньше почему-то не подумал: если Гнут двигается — значит видит и слышит. Следовательно, может представлять серьёзную опасность. Придётся проявить максимальную осторожность.

Клифф огляделся вокруг. Одна из стен лаборатории представляли собой блочную сборно-разборную перегородку, тянущуюся вдоль корпуса корабля. Узкие оконца устроены в ней высоко под потолком. Единственная дверь вела наружу.

Руководствуясь своими знаниями о музее, Клифф разработал план. Это крыло соединялось с западной секцией дверью, которой пользовались крайне редко, и простиралось почти до монумента Вашингтону. Если стоять спиной к

входу в лабораторию, то получается, что корабль располагается ближе всего к южной стене, а к северо-востоку от него застыл гигантский робот. Возвращаясь по своим же следам, можно оказаться в точке, наиболее удалённой от Гнута. Это как раз то, что нужно, ведь там, на невысоком постаменте, установлен стол с лекционным аппаратом, под которым можно укрыться и оттуда следить за гигантом. Единственными другими объектами в смотровом зале были шесть стационарных человекоподобных роботосекретарей, расставленных вдоль северной стены и умеющих лишь отвечать на вопросы посетителей. Клифф просто обязан занять место под столом.

Он на цыпочках направился к выходу. В помещении уже стемнело, поскольку поток вечернего света, льющийся сквозь оконца, перекрывала махина корабля. Клифф, стараясь издавать как можно меньше шума, достиг двери. Очень осторожно приоткрыв её, он глянул в щель.

Фоторепортёр испытал мгновенный шок. Робот смотрел прямо на него!.. или так казалось. Клифф гадал: «Это всего-навсего магнетический эффект, вызываемый свечением глаз, или я уже обнаружен?» Во всяком случае, голова робота не изменила первоначального положения. Вероятно, паника беспочвенна, но Клиффу не хотелось пересекать зал с ощущением, что красные немигающие глаза следят за ним.

Он отступил назад, сел и стал ждать. Клифф тронется в путь, когда ночь вступит в свои права.

За томительные часы ожидания фоторепортёр настолько освоился в потёмках, что мог распознавать отдельные предметы. Встав на ноги и прокравшись к двери, Клифф ещё раз взглянул в сторону корабля. Робот по-прежнему таранился на него, только теперь странное внутреннее сияние в глазах казалось намного ярче, несомненно, из-за темноты. Леденящее душу зрелище. Знает ли робот о постороннем присутствии? О чём думает? Что может замышлять рукотворная машина, даже столь замечательная, как Гнут?

Когда настал долгожданный момент, Клифф закинул за спину камеру, опустился на четыре точки и ступил за порог. Фоторепортёр плотнее вжался в угол, образуемый сте-

ной и полом, а затем медленно пополз вперёд на четвереньках. Дюйм¹⁰ за дюймом продвигался он к своей цели, стараясь не останавливаться и не заглядывать в нервнующие горящие глаза. Потребовалось десять минут, чтобы преодолеть, взмокнув от пота, расстояние в полторы сотни футов, но вот пальцы коснулись постамента, возвышающегося на фут. Бесшумной тенью Клифф скользнул за край, чтобы растаять под защитой стола. Наконец-то он был там.

Фоторепортёр немного расслабился и, желая знать, заметил ли его робот, осторожно выглянул из-за уголка стола.

Раскалённые докрасна угольки глаз оказались устремлены на него!.. или так представлялось в мыслях. Гнут, закутанный в плащ цвета печной сажи, смотрелся сказочным великаном, внушающим почтение и страх, невзирая на дистанцию в сто пятьдесят футов, разделяющую представителей двух разных цивилизаций. Клифф не мог сказать наверняка, изменилось ли положение тела Гнута или же нет.

Но если робот и наблюдал за человеком, то, по крайней мере, больше ничего не делал. Ни малейшего шевеления, которое Клифф мог бы заметить. Гнут сохранял такую же стойку, как и последние три месяца.

Клифф твёрдо решил не поддаваться страху. Между тем боль во всём теле не давала покоя. Путешествие не прошло даром: колени и локти изрядно побаливали, а костюм, несомненно, испорчен. Но это мелочи, лишь бы сбылись затаённые надежды. Если Гнут зашевелится, а инфракрасная камера не подведёт, то в руках у Клиффа окажется сенсационный материал, продав который он сможет позволить себе купить пять десятков самых дорогих костюмов. При условии же, что удастся узнать намерения робота — если таковые имеются — это будет история, которая поставит на уши весь мир.

Фоторепортёр приготовился к ожиданию; трудно предположить, когда Гнут двинется с места, если вообще пожелает размяться нынешней ночью. Глаза давно привыкли к темноте, и Клифф достаточно хорошо различал

---

¹⁰ 1 дюйм = 2,54 см.

крупные объекты. Время от времени он всматривался в робота... всматривался подолгу, пока в какой-то момент силуэт гиганта не дрогнул и не начал раздваиваться; пришлось учащённо моргать, а ещё тереть тыльной стороной ладони слипающиеся глаза, убеждая себя, что это только лишь игра воображения, подвластного затуманенному подступающей дрёмой разуму.

Стрелки часов лениво скользили по циферблату. Неподвижность Гнута сделала Клиффа беспечным. Он всё реже и реже высовывал нос из-под стола. И когда робот рванул с места, Клифф перепугался до полусмерти. Он, изнывающий от скуки, вдруг обнаружил гиганта на полпути к своему убежищу.

Но не это было самым пугающим. Дело в том, что когда Клифф заметил робота, то не уловил его движения! Тот застыл на месте, как кот, подбирающийся к добыче. Глаза Гнута стали намного ярче, и не оставалось сомнений относительно того, куда нацелен его взор; робот смотрел прямо на человека!

Едва дыша, полузагипнотизированный Клифф судорожно оглядывался по сторонам, ища спасения. Мысли в голове путались. Что задумал Гнут? Почему он внезапно остановился? Неужели робот намеревается нанести убийственный удар? Как он вообще может ходить настолько беззвучно?

В густой тьме глаза Гнута начали медленно приближаться. Мерный ритм чуть слышных шагов безжалостно бил по ушам. Робот застиг Клиффа, обычно достаточно находчивого, врасплох. Не в силах броситься наутёк, оцепенев от страха, фоторепортёр прирос к месту, глядя на надвигающегося металлического монстра с огненными очами.

На мгновение Клифф лишился чувств, а когда пришёл в себя, над ним возвышался Гнут, ноги которого находились почти на расстоянии вытянутой руки. Робот слегка наклонился, смотря глаза в глаза!

Слишком поздно думать о бегстве. Дрожа, словно загнанная в угол мышь, Клифф ждал сокрушительного удара. Казалось, целую вечность Гнут не шевелился, внимательно изучая его. Каждую секунду фоторепортёр ожидал смерти — внезапной, моментальной, неотвратимой... Всё закончи-

лось совершенно неожиданно для Клиффа. Гигант выпрямился и отступил назад. Гнут развернулся и с почти безудержным ритмом, которым среди известных роботов обладал исключительно он один, двинулся обратно к тому месту, откуда явился.

Фоторепортёру с трудом верилось, что его пощадили. Гнут мог раздавить Клиффа как червяка, а он только поглядел и пошагал назад. Почему? Невозможно даже предполо-

жить, что роботу присуще милосердие.

Гнут проследовал прямёхонько к кораблю. В определённом месте он остановился и издал любопытную последовательность звуков. Клифф тут же узрел круглый провал, более чёрный, чем ночная темень, появившийся в борту корабля, а следом донеслось слабое скользящее шуршание выдвигающегося пандуса. Робот поднялся к люку и, немного пригнувшись, вошёл внутрь.

И тут Клифф вспомнил о снимке, за которым пожаловал. Гнут двигался, но не причинял ему никакого вреда! Однако сейчас, какие бы перспективы не представлялись в дальнейшем, Клифф может запечатлеть пандус, ведущий к открытому люку; поэтому он перевёл камеру в нужное положение, выставил правильную экспозицию и спустил затвор.

Минуты тянулись бесконечно долго, а Гнут не выходил. Чем он там занимается? Клифф призадумался. К нему помаленьку стало возвращаться мужество; он подумал было подкрасться поближе и заглянуть в люк, но обнаружил, что на это пока не хватает смелости. Робот помиловал человека, по крайней мере, на время, но неизвестно насколько велик предел его терпимости.

Минул час, истёк другой... Что делает робот на борту корабля? Клифф не мог себе представить. Он бы обязательно взглянул украдкой, будь Гнут человеком, но чудомашина слишком непредсказуема. Даже простейшие земные роботы при определённых обстоятельствах ведут себя необъяснимо; что уж тогда говорить об удивительном творении неизвестной цивилизации? Какими сверхчеловеческими способностями наделён гигант? Земные учёные со своими чудовищными экспериментами не смогли навредить ему. Кислоты, жар, лучи, мощнейшие удары — он выдержал всё, не получив ни царапины. Робот прекрасно видит в темноте. И с того места, где сейчас находится, может почуять или каким-то иным образом уловить малейшую перемену в местоположении Клиффа.

И вот где-то около двух часов ночи произошло нечто простое, но настолько неожиданное, что ошеломило фоторепортёра. Нежданно-негаданно в темноте и безмолвии

смотрового зала послышался слабый шелест крыльев, за которым последовала пронзительная сладостная птичья трель. Пересмешник. Где-то во мраке над головой. Ясные и гортанные ноты; дюжина песенок пропета одна за другой без перерыва — короткие настойчивые призывы, щебетание, верещание, воркование; весенние любовные напевы, возможно, прекраснейшего в мире певца. Птица резко умолкла.

Если бы из корабля высыпала целая армия захватчиков, Клифф удивился бы меньше. Сейчас декабрь; даже во Флориде пересмешники ещё не заголосили. Как птица попала в музей? Почему пела?

Клифф с любопытством ждал. И вдруг он заметил робота, стоящего возле люка. Тот замер совершенно неподвижно, а его пылающие глаза были обращены в сторону Клиффа. Тишина, казалось, стала ещё глубже; затем её нарушил мягкий шлепок об пол рядом с тем местом, где прятался Клифф.

Фоторепортёр заинтересовался. Свет в глазах Гнута потускнел, а сам он своей слегка дёргающейся походкой зашагал в направлении постамента. Неподалёку робот остановился, наклонился и что-то подобрал с пола. Некоторое время он не двигался, рассматривая маленький предмет, лежащий на ладони. Клифф знал наверняка, хотя и не мог видеть, что это пересмешник. Вернее, жалкое тельце, навсегда утратившее способность петь. Гнут развернулся и, даже не взглянув на Клиффа, снова скрылся внутри корабля.

Часы тикали, а Клифф ждал какого-то продолжения этого диковинного события. Возможно, именно благодаря любопытству его страх перед Гнутом стал ослабевать. Конечно, если бы робот был недружественным и намеревался причинить вред, то не стал бы тянуть время, имея столь прекрасную возможность. Клифф начал нервничать от непреодолимого желания хоть одним глазком заглянуть в открытый люк. И фотография; необходимо сделать снимок. Клифф чуть не забыл о причине своего пребывания здесь.

В глубокой предрассветной тьме фоторепортёр набрался храбрости и начал действовать. Он снял ботинки, связал их вместе шнурками, перекинул через плечо и на

цыпочках перебежал к ближайшему из шести роботов-секретарей, размещённых вдоль стены, затем затаился, ожидая какого-нибудь знака, указывающего на то, что Гнут узнал о его перемещении. Ничего не произошло, и Клифф прошмыгнул за спину следующего робота-секретаря. Осмелев, он одним рывком преодолел расстояние до шестого, самого дальнего и закреплённого как раз напротив люка. Там его ждало разочарование. В утробе корабля не видно ни зги; лишь непроглядная чернота и всепроникающая тишина. Тем не менее, Клифф был просто обязан заполнить снимок. Он поднял камеру, произвёл необходимые настройки и направил объектив на зияющий провал люка. Фоторепортёр стоял, недоумевая, что же делать дальше.

И тут до его ушей донёсся некий приглушённый шум, идущий, очевидно, изнутри корабля. Животные звуки — сначала пыхтение, сопровождаемое несколькими резкими хлопками, затем грубое рычание, прерываемое скрежетом и криком, как если бы внутри происходила какая-то борьба. Внезапно, прежде чем Клифф успел сообразить, что пора спешно ретироваться обратно под стол, из люка выскочила тёмная приземистая фигура, которая сразу же развернулась и выросла до человеческого роста. Ужас охватил Клиффа ещё до того, как он догадался, кто перед ним.

В следующую секунду Гнут появился из люка и без колебаний сошёл вниз по пандусу. Когда он приблизился, фигура попятилась на несколько футов, но затем остановилась и могучими лапами начала громко барабанить по своей широкой груди, а из её глотки вырвался грозный рёв неповиновения. Только одно существо в мире могло так колотить себя в грудь и издавать подобные звуки. Это была горилла!

И огромная!

Робот молниеносно бросился вперёд и схватился со зверем. Клифф никогда бы не подумал, что Гнут способен двигаться настолько быстро. В темноте невозможно было детально разглядеть происходящее; фоторепортёр лишь узрел, как противники — робот и горилла — на миг слились в единое целое, что сопровождалось неопишуемым рёвом разъярённого животного; когда же они разделились, то зверя словно отшвырнуло назад.

Горилла тут же поднялась во весь рост, оглушительно

взревев. Гнут шагнул ей навстречу. Они снова сцепились, и животное вновь уступило зелёному гиганту. Робот неумолимо надвигался, а зверь отступал. Внезапно горилла бросилась на человекоподобную фигуру у стены и одним стремительным движением свалила на пол пятого робота-секретаря, оторвав ему голову.

Клифф, трясущийся от страха, затаился за спиной своего робота-секретаря. Он благодарил Небеса за то, что широкоплечий гигант встал между ним и гориллой. Зверь метнулся к следующему роботу в ряду, сорвал его с места и, размахнувшись, запустил в Гнута. С гулким металлическим лязгом робот врезался в робота, и тот, что с Земли, пушиной отлетел в сторону.

Клифф впоследствии проклинал себя за то, что снова совершенно позабыл о снимке. Горилла продолжала отступление, по пути снося с ужасающим неистовством роботов-секретарей, которых швыряла в напирającego Гнута. Вскоре соперники оказались возле постамента со столом, и Клифф возблагодарил свою счастливую звезду за то, что помогла ему своевременно убраться оттуда. Последовала короткая пауза. Фоторепортёр не мог разобрать, что происходит, но чувствовал, горилла наконец-то загнана в угол.

Если это и было так, то только на мгновение. С диким рёвом тяжеловесная фигура совершила феноменальный прыжок в сторону Клиффа. Она проделала весь обратный путь и остановилась в аккурат между фоторепортёром и корабельным люком. Клифф отчаянно молился, чтобы Гнут поторопился с возвращением, ведь теперь между беззащитным человеком и обезумевшим зверем остался всего лишь один-единственный робот-секретарь. Из мрака действительно вынырнул Гнут. Горилла поднялась во весь рост, снова ударила себя в выпяченную грудь и заревела, бросая вызов.

И тут произошло поразительное событие. Зверь упал на четвереньки и стал медленно заваливаться на бок, словно сильно ослаб или получил серьёзное ранение. Затем он, тяжело дыша и издавая пугающие звуки, заставил себя встать на ноги, не желая сдаваться. Его взгляд упёрся в уцелевшего робота-секретаря и, возможно, Клиффа, сжавшего-

ся позади. С приливом разрушительной ярости горилла вразвалочку поковыляла в сторону фоторепортёра, но на этот раз, даже сквозь панику, он видел, что животное передвигается с трудом. Клифф отскочил как раз вовремя; горилла схватила робота-секретаря и с силой швырнула в Гнута, но промахнулась.

Это было последнее усилие. Слабость снова охватила зверя; он покачнулся и ничком рухнул на пол. Дёрнувшись пару раз, горилла замерла и больше не шевелилась.

В смотровой зал просачивался слабый бледный свет зарождающегося рассвета. Из угла, в котором нашёл укрытие, Клифф внимательно наблюдал за гигантским роботом. Ему показалось, что тот ведёт себя очень странно. Он стоял над мёртвой гориллой и смотрел на неё сверху вниз с тем, что в человеческом понимании можно было бы назвать грустью. Клифф ясно видел это; тяжёлые зеленоватые черты лица Гнута приобрели невиданное доселе скорбное выражение. Постояв так немного, робот наклонился, будто горюющий отец над почившим ребёнком, бережно поднял огромное животное на свои металлические руки и скрылся внутри корабля.

Клифф хотел было метнуться обратно к столу, внезапно испугавшись иных подстерегающих опасностей и невероятностей. Однако ему вдруг пришло в голову, что лаборатория послужит куда как более надёжным убежищем, и с дрожью в коленях он прокрался туда, а после спрятался в одной из больших печей. Клифф жаждал дневного света. В мыслях царил хаос. В памяти один за другим прокручивались ключевые эпизоды нескончаемой ночи, полной сюрпризов и загадок; казалось, им нет рационального объяснения. Тот пересмешник. Горилла. Грусть Гнута и его чуткость. Разве возможно осмыслить подобное!

Постепенно светало. Клифф начал верить, что ещё сможет выбраться живым из этого таинственного и опасного места. В половине восьмого утра возле центрально входа раздались шаги и человеческие голоса. Клифф вылез из печи и приник ухом к двери. Звуки шагов внезапно прекратились, слышались испуганные возгласы, донёсся топот убегающих ног, сменившийся тревожной тишиной. Фоторепортёр слегка приотворил дверь и огляделся.

Посреди разгромленного смотрового зала покоился закрытый наглухо корабль, а рядом стоял Гнут в той же позе, которую принял после гибели своего повелителя. Входные двери музея оказались открыты, и Клифф с замиранием сердца выпорхнул наружу.

Через полчаса, оказавшись в безопасности гостиничного номера, фоторепортёр, готовясь к работе с плёнкой, присел на секунду и сразу же задремал. Спустя некоторое время Клифф, одолеваемый сном, пошатываящейся походкой добрёл до кровати. Он не просыпался до полудня.

III

Клифф медленно просыпался, сначала не сознавая, что образы, мелькающие перед внутренним взором, — это отголоски реальности, а не обрывки фантастических видений. Спонтанные воспоминания о снимках подняли его на ноги. Он поспешно стал проявлять плёнку.

Затем в его руках оказались доказательства того, что ночные события случились наяву, а не в дурном сне. Обе фотографии удалась. На первой довольно отчётливо виден пандус, ведущий к открытому люку, заснятый из-за краешка стола. Вторая же, где провал люка запечатлён вблизи, вызывала глубокое разочарование, так как глухая стена мрака за порогом не давала разглядеть что-либо внутри корабля. Объяснение простое — Гнут не пользовался освещением. Следовательно, можно с высочайшей степенью вероятности утверждать, что роботу не нужен свет для его дел, чем бы он там ни занимался.

Посмотрев на негативы в очередной раз, Клифф устыдился. Каким же никчёмным фоторепортёром надо быть, чтобы вернуться лишь с парой столь нелепых снимков! Представлялась масса возможностей получить настоящие сенсационные кадры — Гнут в движении — Гнут держит пересмешника на ладони — Гнут борется с гориллой! А всё, что довелось добыть, — это две фотографии корабельного люка. Разумеется, они ценны, но Клифф чувствовал себя первоклассным ослом.

И ещё он умудрился заснуть за работой!

Пожалуй, будет лучше не заниматься самобичеванием, а выйти на улицу и разведать обстановку.

Клифф быстро принял душ, побрился, приделался и направился в небольшой ресторанчик, который облюбовало для себя журналистское сообщество... Он сидел в одиноче-

стве за барной стойкой, когда в заведение вошёл его друг-конкурент.

— Ну, *ты* что думаешь? — спросил друг, присаживаясь рядом.

— Я не имею привычки думать, когда завтракаю, — ответил Клифф.

— Значит, ты не слышал?

— Что слышал? — парировал Клифф, прекрасно понимая, о чём пойдёт речь.

— Отменный из тебя получился фоторепортёр, — улыбнулся друг. — Когда происходит что-то действительно важное, ты нежишься под одеялом.

А далее он рассказал об утреннем переполохе в музее и о всеобщем волнении, вызванном им. Клифф успешно делал сразу три вещи — поглощал завтрак, благодарил свою счастливую звезду за то, что ничего иного не стряслось, и постоянно демонстрировал удивление. Продолжая жевать, он вскочил с табурета и заторопился к выходу.

Возле закрытых дверей музея собралась целая толпа, но Клифф без труда получил разрешение войти, предъявив журналистское удостоверение. Гнут и корабль стояли так же, как он их оставил, но пол оказался вымыт, а куски уничтоженных роботов-секретарей рядком разложены вдоль стены. В смотровом зале находилось несколько представителей прессы, среди которых Клифф узрел Гуса.

— Меня не было, и я всё пропустил, — сказал он Гусу. — А как объяснить произошедшее здесь?

— Спроси что-нибудь полегче, — последовал ответ. — Никто не знает. Возможно, что-то вышло из корабля... Ну, например, другой робот, приходящийся Гнуту братом. А ты-то где был?

— Спал.

— Тогда навёрстывай упущенное. Несколько миллиардов двуногих напуганы до смерти. Месть за убийство Клаату. Грядёт вторжение на Землю.

— Но это же...

— О, я знаю, что это полнейший бред, но нас кормят такие небылицы; они великолепно продаются. Однако недавно вскрылись новые обстоятельства, очень неожидан-

ные. Пойдём, покажу кое-что забавное.

Гус подвёл Клиффа к столу, за которым трудились люди в белых халатах, всесторонне изучающие некие предметы, охраняемые полицейским. А после ткнул пальцем в искорёженную пластину, к которой прилипло несколько коротких тёмно-коричневых волосков.

— Это шерсть самца гориллы, — непринуждённо поведал Гус. — Она найдена сегодняшним утром на полу и роботах-секретарях.

Клифф выказал крайнюю степень изумления. Гус указал на пробирку, наполовину наполненную светложантарной жидкостью.

— А вот кровь, разведённая в специальном растворе... Кровь гориллы. Её соскоблили с рук Гнута.

— Боже правый! — воскликнул Клифф. — И никаких предположений?!

— Даже версий нет. Это твой великий шанс, вундеркинд.

Клифф оторвался от Гуса, не в силах дольше притворяться. Он не мог решить, что делать со своей историей. Медиа-синдикаты дорого заплатят за неё и фотографии, но это лишит его свободы действий по дальнейшему раскрытию тайны. В глубине души Клифф хотел снова провести ночь в музее, но... просто-напросто боялся. Ибо чрезмерная доза острых ощущений может запросто довести до могилы.

Приблизившись к Гнуту, Клифф долго рассматривал гиганта. Никто бы никогда не догадался, что робот не только способен двигаться, но и менять выражение зеленоватого металлического лица. И этот странный взгляд! Клифф задумался. Узнал ли робот незваного ночного гостя? Из какого же неведомого материала сотворены его глаза, если вся передовая земная наука не смогла их ослепить? О чём сейчас думает Гнут? Какие мысли роятся в его голове? Сердится ли робот на дерзкого нарушителя покоя? Клифф решил, что нет. Ведь ночью Гнут помиловал его.

Осмелится ли человек остаться вновь?

Пожалуй, стоит рискнуть...

Переваривая всё увиденное и услышанное, Клифф мерил шагами номер отеля. Он верил, что с наступлением темноты робот снова обретёт подвижность. Лучевой мик-

тоновский пистолет защитит Клиффа от нападения другой гориллы или от пяти десятков её соплеменников. У него пока недостаточно фотографического материала. Он вернулся лишь с двумя жалкими снимками!

Возможно, Клифф с самого начала знал, что не устоит перед искушением. Вечером, вооружившись инфракрасной камерой и маленьким миктоновским пистолетом, он опять укрылся под столом с приборами в лаборатории, а вскоре до его ушей донёсся лязг закрывающихся музейных дверей.

На этот раз Клифф получит историю и фотографии. Только бы внутри не выставили охрану!

IV

Клифф долго прислушивался, не донесётся ли какой-нибудь звук, который выдаст присутствие охранника в смотровом зале, однако тишина оставалась всё такой же незыблемой. Фоторепортёр был благодарен своей удаче за это... но не вполне. Сгущающийся сумрак и осознание того, что путь к отступлению отрезан, делали мысль о компаньоне не столь уж отталкивающей.

Примерно через час в помещении совсем стемнело. Клифф освободился от ботинок, связал их воедино шнурками, повесил на плечо и тихонечко прокрался к выходу из лаборатории. Всё выглядело так же, как прошлой ночью. Гнут казался далёкой неясной тенью, но его пылающий взгляд вонзался в прямоугольник дверного проёма, из которого с опаской выглядывал молодой фоторепортёр. Как и накануне, проявляя предельную осторожность, Клифф опустил на четвереньки, а затем медленно пополз к знакому постаменту. Оказавшись под защитой стола, он проверил камеру и поправил пистолетную кобуру. Клифф поклялся, что не уйдёт без сенсационных снимков.

Он приготовился ждать, ни на секунду не выпуская Гнута из поля зрения. Глаза максимально приспособилось к темноте. Правда гнетущее ощущение одиночества и смутное чувство тревоги не отпускали. Горящий взор Гнута действовал на нервы; приходилось постоянно убеждать себя, что робот не причинит никакого вреда. Клифф почти не сомневался, что и сам находится под неусыпным надзором.

Медленно тянулись минуты. Время от времени по ту сторону музейных дверей раздавался невнятный шум — то ли охрана, то ли неуёмные соотечественники.

Около девяти часов вечера Гнут пошевелился. Сначала лишь голова; она резко повернулась в сторону Клиффа. На

мгновение это было всё; затем тёмная широкоплечая фигура слегка дёрнулась и устремилась вперёд — прямо к постаменту. Клифф полагал, что сумеет перебороть страх, но теперь его сердце буквально провалилось в пятки от внезапно нахлынувшего ужаса. Что же сейчас произойдёт?

Поразительно тихо приближался гигант, пока злоещим фантомом не навис над тем местом, где залёг Клифф. Красные глаза в упор рассматривали фоторепортёра. Тот дрожал всем телом; похлеще, чем в первый раз. Не до конца сознавая, что делает, Клифф попытался заговорить с существом из металла.

— Только не делай мне ничего плохого! — взмолился он. — Я просто решил чуток полюбопытствовать. Ведь это моя работа. Ты меня понимаешь? Я не стану путаться под ногами или препятствовать. Я... я не смог бы, даже если бы захотел! Ну, пожалуйста!

Гнут сохранял неподвижность, и Клифф никак не мог догадаться, был ли его жалкий лепет понят или хотя бы услышан. Когда напряжённое ожидание превратилось для фоторепортёра в мучительную пытку, робот протянул руку, чтобы взять что-то из ящика стола или, быть может, положить, а после развернулся и зашагал прочь. Клифф почувствовал, что снова находится в безопасности! Робот пощадил его!

Угроза миновала, и Клифф уверовал, что Гнут не навредит ему. Дважды он находился во власти робота, но всякий раз тот лишь смотрел и преспокойненько удалялся. Трудно даже представить, что понадобилось Гнуту в ящике стола. Клифф с величайшим интересом следил за тем, что произойдёт дальше.

Как и предыдущей ночью, робот направился напрямиком к кораблю, воспроизвёл своеобразную цепочку звуков, открывающую люк, а когда пандус выскользнул наружу, то вошёл внутрь. Клифф остался один в темноте, наверное, часа на два. Из чрева корабля не доносилось ни шороха.

Клифф знал, что должен подкрасться к люку и заглянуть в него, но пока не в силах был заставить себя сделать хотя бы шаг. С пистолетом он запросто одержит победу над любой гориллой, но если Гнут поймает его, то дело добром

не кончится. Клифф ожидал нечто фантастическое — сладкую песню пересмешника, разъярённую гориллу, а может... что-то иное. Однако опять оказался застигнутым врасплох.

Ибо Клифф услышал... знакомые человеческие слова.

— Леди и джентльмены, Смитсоновский институт приветствует вас в своём новом межпространственном крыле, где представлены изумительнейшие экспонаты.

Это же записанный голос Стиллвелла! Но изливался он не из динамиков под потолком, а из корабельного люка.

— Все вы, скорее всего... скорее всего... — Лектор запнулся и замолчал. У Клиффа волосы на голове зашевелились. Ведь на записи не было ни единой заминки!

Воцарившуюся на миг тишину разорвал хриплый отчаянный крик, исходящий из утробы корабля.

Каждый нерв трепетал, когда Клифф всматривался в непроглядную темень люка, из которой вдруг выпорхнул призрачный силуэт того, кто, несомненно, являлся человеком. Покачиваясь и спотыкаясь, он мчался в сторону поста-мента. Когда до него оставалось футов двадцать, Гнут вынырнул из люка.

Клифф наблюдал, затаив дыхание. Человек — теперь стало ясно, что это именно Стиллвелл, — бежал прямо к убежищу фоторепортёра, как бы желая укрыться там, но колени подогнулись, и он неуклюже грохнулся на пол в нескольких футах от цели. Гнут навис над несчастным, но тот, судя по всему, его даже не замечал. Стиллвелл выглядел очень больным, но продолжал делать судорожные тщетные попытки заползти под стол.

Гнут не двинулся с места, и Клифф осмелился заговорить.

— Что с тобой, Стиллвелл? — взволнованно спросил он. — Тебе нужна помощь? Не бойся. Я — Клифф Сазерленд, фоторепортёр; мы знакомы.

Не выказывая ни малейшего удивления при виде Клиффа и цепляясь за его присутствие, как утопающий хватается за соломинку, Стиллвелл взмолился:

— Помоги мне! Гнут... Гнут...

Казалось, он не в силах продолжать.

— Гнут что? — вполголоса задал вопрос Клифф. Пре-

красно понимая, что огнеглазый гигант находится рядом, и из-за этого не решаясь приблизиться к Стиллвеллу, он успокаивающе добавил: — Гнут не тронет тебя. Я уверен. Ведь робот не нападает на меня. Что стряслось? Может, я могу что-нибудь сделать?

Стиллвелл с внезапным приливом энергии приподнялся на локтях.

— Где я? — выдохнул он.

— В межпространственном крыле, — опешил Клифф. — Разве ты не знаешь?

С минуту слышалось лишь тяжёлое дыхание Стиллвелла. Потом он прохрипел:

— Как я сюда попал?

— Не знаю, — вымолвил Клифф.

— Я записывал лекцию, — произнёс Стиллвелл, — и вдруг очутился здесь... или же там...

Он замолчал, и было видно, как гримаса ужаса искажает его лицо.

— Что произошло потом? — мягко поинтересовался Клифф.

— Я очнулся там... и рядом стоял робот. Гнут! Но ведь учёные обездвигили его! Он не может даже пошевелиться!

— Не нужно бояться, — убеждал Клифф. — Робот не опасен.

Стиллвелл снова растянулся на плитах пола.

— Я очень слаб, — пробормотал он. — Что-нибудь... Ты позовёшь для меня доктора?

Лектор совершенно не осознавал, что над ним возвышается огромный робот, сверлящий его взглядом.

Пока Клифф колебался, не зная, что предпринять, дыхание Стиллвелла сделалось прерывистым и неровным, словно тиканье неисправных часов. Фоторепортёр осмелился подобраться к бедняге, но помочь уже ничем не мог. Всклипы и вздохи стали судорожными, а вскоре совсем затихли. Клифф нащупал запястье Стиллвелла и проверил пульс, затем посмотрел прямо в красные глаза, что глядели сверху вниз.

— Скончался, — прошептал он.

Гигант услышал, а возможно и сам догадался. Он наклонился ниже, разглядывая навеки упокоившегося лекто-

ра.

— В чём дело, Гнут? — Клифф неожиданно для себя самого обратился к роботу. — Что ты делаешь? Могу ли я предложить помощь? Почему-то мне не верится в то, что ты настроен враждебно и убил этого человека. Но что же случилось? Ты понимаешь мой язык? Умеешь говорить? Что пытаешься провернуть?

Робот не издал ни звука, а только смотрел на неподвижную фигуру, распластавшуюся у ног. Клифф узрел на зеленоватом лице выражение скорбной задумчивости.

Гнут постоял так несколько минут; затем осторожно — даже нежно — поднял обмякшее тело на свои могучие руки и отнёс к тому месту, где вдоль стены были разложены куски расколошмаченных роботов-секретарей. Он бережно опустил его неподалёку от них. И скрылся во мраке корабельного люка.

Клифф, поборов страх, прокрался вдоль стены. Он почти добрался до обломков на полу, когда вдруг застыл как изваяние. Гигант снова появился.

Он нёс что-то более крупное, чем человеческое тело, хотя слегка схожее своими очертаниями. Робот заботливо положил это возле мёртвого Стиллвелла. На ладони Гнут держал нечто маленькое, что пристроил сбоку от доставленной ноши. Он опять поднялся на борт и вернулся ещё с чем-то, что аккуратно опустил рядом с остальными. Робот обвёл взглядом то, что разложил на полу, медленно повернулся к кораблю и впал в глубокое раздумье.

Клифф сдерживал любопытство так долго, как только мог, а после двинулся вперёд и склонился над дарами, оставленными Гнутом. Первым в ряду располагался мёртвый Стиллвелл, как Клифф и ожидал, а бок о бок с ним покоилась бесформенная мохнатая туша гориллы, умершей прошлой ночью. По соседству пристроился трупик пересмешника. Последние двое пробыли сутки на корабле, и Гнут, выказывая удивительную деликатность в обращении с ними, всего лишь прибрался за собой. Но присутствовало и четвёртое тело, историю которого Клифф не ведал. Он подошёл ближе и наклонился ниже, чтобы лучше рассмотреть.

То, что узрел Клифф, заставило его затаить дыхание.

«Невозможно!» — подумал он в замешательстве; и снова взглянул на первый труп. Кровь застыла в жилах. Ибо первое тело принадлежало Стиллвеллу, но оно же было и последним в ряду; там лежало два совершенно одинаковых покойника.

Клифф в ужасе попятился, а после метнулся прочь, охваченный безрассудной паникой, и стал дико колотить кулаками в музейные двери. Снаружи послышался шум.

— Выпустите меня! — голосил Клифф. — Выпустите меня! Выпустите меня! Скорее!

Между двумя створками появилась щель, и Клифф протиснулся в неё диким зверем, рвущимся из клетки на свободу. Припозднившаяся парочка на соседнем тротуаре с изумлением уставилась на него, и это немного образумило Клиффа, заставив взять себя в руки. Ведь здесь всё выглядело как обычно, и Гнут не преследовал его.

Клифф до сих пор был в носках. Тяжело дыша, он присел на бордюрный камень и обулся; потом встал, посмотрел на двери музея, пытаясь унять дрожь в коленях. Невероятно! Мёртвый Стиллвелл, мёртвая горилла, мёртвый пересмешник — все они умирали на его глазах. А ещё второй мёртвый Стиллвелл, смерти которого Клифф не видел. Плюс странная незлобивость Гнута и печальное выражение, которое дважды довелось наблюдать на зеленоватом лице.

Пока Клифф пребывал в замешательстве, территория вокруг музея оживала. У дверей собралось несколько ротозеев, вдалеке завывала полицейская сирена, следом — ещё одна, и со всех сторон начал стягиваться народ. Патрульные аэролёты приземлились прямо посреди ближайшей лужайки, и Клифф увидел, как офицеры торопливо заходят в смотровой зал. Музей озарился электрическим светом. Фоторепортёр, совладав с собственными эмоциями, поспешил следом.

Он вошёл. Клифф оставил робота стоять в задумчивости у края пандуса, но теперь тот снова принял общеизвестную позу, заняв привычное место, словно никогда его и не покидал. Люк закрылся, пандус исчез, однако четыре мёртвых тела по-прежнему лежали неподалёку от уничтоженных роботов-секретарей.

Клифф даже вздрогнул от истерического крика, не-

ожиданно раздавшегося за спиной. Музейный охранник указывал на него пальцем.

— Это он! — верещал дурным голосом охранник. — Когда я отпер двери, парень выскочил наружу, будто за ним черти гнались!

Полицейские окружили Клиффа.

— Кто вы такой? Что всё это значит? — грозно осведомился один из них.

— Меня зовут Клифф Сазерленд; я работаю фоторепортёром, — спокойно отрекомендовался Клифф. — Я тот, кто был внутри, как и говорит охранник.

— Что вы там делали? Откуда взялись трупы? — начал расспрашивать офицер, глядя с всевозрастающим подозрением.

— Джентльмены, я бы с радостью рассказал вам... Вот только сначала дело, — ответил Клифф. — Здесь происходят поистине умопомрачительные вещи, и я стал их свидетелем, получив потрясающую историю, но... — улыбнулся он. — Я отказываюсь вам отвечать, не посоветовавшись с моим адвокатом, и пока не продам то, что знаю, одному из новостных синдикатов. Вы же понимаете, как это бывает. Если позволите воспользоваться радиофоном в патрульном аэролёте — хотя бы на минутку, джентльмены, — то получите всю правду... ну, скажем, через полчаса, когда её будут передавать по радио и телевидению. А пока поверьте на слово, что такая задержка никому не нанесёт никакого ущерба.

Офицер, задававший вопросы, оторопело моргнул, а другой, более бесцеремонный и явно не джентльмен, шагнул вперёд, сжав кулаки. Клифф обезвредил его, вручив журналистское удостоверение. Тот бегло изучил документ и убрал в собственный карман.

К тому времени в зале скопилось около полусотни человек, и среди них оказались два агента медиа-синдиката, которых Клифф знал лично. Полицейские зарычали, но позволили ему прошептать кое-что на ухо одному из агентов, а затем под конвоем отвели к аэролёту, принадлежащему синдикату. Там фоторепортёр по радиофону за пять минут заключил сделку, которая сулила ему больше денег, чем он когда-либо прежде зарабатывал за год. Клифф передал не-

гативы и фотографии агентам, коротко поведав о ночных злоключениях, а они, не теряя ни секунды, отбыли в штаб-квартиру с докладом.

Людей становилось всё больше и больше, поэтому полиции пришлось очистить смотровой зал от посторонних. Однако пару минут спустя туда вломилась многочисленная группа разномастных представителей прессы, посланная синдикатом, с которым фоторепортёр заключил соглашение. А ещё через десять минут Клифф купался в лучах всеобщего внимания, стоя на фоне корабля, но категорически отказываясь приближаться к Гнуту. Он пересказывал свою историю камерам и микрофонам, которые за считанные секунды разнесли её по всем уголкам Солнечной системы.

Сразу же по завершении телетрансляции блюстители закона препроводили Клиффа в полицейский участок, посчитав его потенциально опасным для общества элементом.

V

Клифф пробыл в участке до восьми утра, когда известный адвокат, нанятый синдикатом, сумел-таки вытащить его оттуда. Однако на выходе крепкие молодые люди взяли фоторепортёра под руки.

— Вас ожидают для беседы в Континентальном бюро расследований, — молвил один из них. Пришлось Клиффу подчиниться.

Его дожидались в огромном конференц-зале тридцать пять высокопоставленных чиновников с «громкими именами» — один из секретарей президента, заместитель госсекретаря, заместитель министра обороны, учёные, военные, главы департаментов и прочие ответственные лица. Председательствовал седовласый Сандерс, глава КБР.

Клиффа попросили изложить всю историю с самого начала и следом ещё раз детально повторить — не из-за недоверия к его словам, а потому, что продолжали надеяться заполучить какую-нибудь зацепку, способную помочь пролить свет на загадочное ночное поведение Гнута. Фоторепортёр терпеливо ломал голову над каждой подробностью.

Большинство вопросов задавал лично Сандерс. Через час, когда Клифф было подумал, что всё позади, шеф захотел услышать его личное мнение о случившемся.

— Допускаете ли вы, что поступки Гнута могут быть спровоцированы деятельностью наших учёных, которые использовали кислотные, лучевые, высокотемпературные и прочие воздействия?

— Я не заметил никаких подтверждений.

— Полагаете, Гнут видит?

— Я уверен, что он обладает зрением или же иными эквивалентными способностями.

— Считаете, Гнут слышит?

— Да, сэ, в тот раз, когда я прошептал, что Стиллвелл скончался, он склонился ещё ниже, словно сам хотел в этом убедиться. Не удивлюсь, если окажется, что робот понимает человеческую речь.

— Помимо звуковой последовательности, открывающей корабельный люк, он ничего не произносил?

— Ни словечка на английском или каком-либо другом языке не сорвалось с его губ.

— По-вашему, наши старания ослабили робота? — поинтересовался какой-то учёный.

— Я уже рассказывал, как легко он совладал с гориллой. Гнут атаковал животное и отбросил назад, заставив отступить в страхе.

— Как бы вы объяснили то, что проведённые вскрытия трупов не выявили ни смертельных ран, ни истинных причин гибели гориллы, пересмешника или же двух одинаковых Стиллвеллов? — подал голос офицер медицинской службы.

— У меня нет версий.

— Гнут опасен? — осведомился Сандерс.

— Потенциально очень опасен.

— И всё же вы придерживаетесь позиции, что робот не настроен враждебно.

— Да, по отношению лично ко мне. Определённая уверенность действительно имеется, и боюсь, не могу представить вам никаких веских доказательств, за исключением того обстоятельства, что робот два раза пощадил меня, когда я находился в его власти. Возможно, укреплению точки зрения способствовали сцены бережного обращения с мёртвыми телами и выражение печальной задумчивости, которое я дважды уловил на его лице.

— Вы рискнули бы остаться в музее ещё на одну ночь?

— Ни за что.

Влиятельнейшая публика заулыбалась.

— Вам удалось что-либо сфотографировать минувшей ночью?

— Нет, сэ. — Клифф, сделав над собой усилие, внешне сохранил самообладание, однако его захлестнула волна стыда.

Но хмурый джентльмен, до сей минуты молчавший,

спас его, спросив:

— Некоторое время назад вы использовали слово «целенаправленные», повествуя о действиях Гнута. Не могли бы вы немного пояснить?

— Безусловно, это одна из вещей, которая меня поразила: Гнут, похоже, никогда не тратит движения впустую. Робот способен развивать удивительную скорость, когда захочет; например, во время схватки с гориллой; но чаще всего он действует размеренно, будто планомерно выполняет некую работу. Напомню вам про ещё одну странность: периодически Гнут принимает ту или иную позу и застывает так на несколько минут. Словно его собственная временная шкала более эксцентрична, чем наша: некоторые дела он делает чрезвычайно быстро, а другие — до крайности медленно. Тем самым можно объяснить длительные периоды неподвижности.

— Очень интересно, — оживился один из учёных. — Как бы вы истолковали то, что Гнут передвигается только лишь по ночам?

— Очевидно, робот занят чем-то, что держит в секрете от нас, а ночь — единственное время, когда он остаётся в одиночестве.

— Однако Гнута не смутило ваше присутствие.

— Знаю. Но рискну предположить, что он посчитал меня безвредным или неспособным его остановить, хотя так, разумеется, и было.

— Перед вашим прибытием мы рассматривали возможность заключения робота в большой куб из сверхпрочного стеклопластика. Как думаете, он позволит?

— Понятия не имею. Вероятно, так оно и будет; он же не сопротивлялся применению кислот, лучей, высоких температур. Только это лучше делать в светлое время суток; ночью, кажется, робот более активен.

— Но он среди бела дня вышел из корабля вместе с Клаату.

— Я помню.

Похоже, поток вопросов иссяк. Сандерс хлопнул ладонью по столу.

— Ну, пожалуй, у нас всё, мистер Сазерленд, — поды-

тожил шеф. — Благодарю за содействие, а ещё позвольте заметить, молодой человек, что вы безрассудны, но упрямы и храбры. — Он чуть заметно улыбнулся. — Сейчас идите, хотя, возможно, нам придётся побеспокоить вас в дальнейшем. Посмотрим.

— Позвольте мне остаться до принятия решения о применении стеклопластика, — попросил Клифф, набравшись смелости. — Раз уж я здесь, то хотел бы получить коммиссионные.

— Решение уже принято — коммиссионные ваши. Немедленно начинаем подготовку к заливке.

— Благодарю вас, сэр, — выразил признательность Клифф. Затем обратился с новой просьбой: — Не будете ли вы столь любезны, чтобы разрешить мне присутствовать сегодня ночью снаружи музея? Только снаружи. Я чувствую, что-то должно произойти.

— Вижу, вам нужна ещё одна сенсация, — беззлобно произнёс Сандерс. — И полицейским опять придётся ждать, пока вы будете разбираться со своими делами.

— Больше такого не повторится, сэр. Если что-нибудь случится, я незамедлительно проинформирую полицию.

Шеф колебался.

— Не знаю, — ответил он. — Вот что я скажу. Все новостные синдикаты захотят, чтобы там находились их люди, и этого мы не допустим. Однако если вы сможете договориться о том, чтобы представлять их всех одновременно, то возражать не станем. Ничего особенного не произойдёт, но ваш репортаж поможет успокоить истеричек. Дайте мне знать.

Клифф искренне поблагодарил его и поспешил к выходу. Из номера отеля он позвонил в синдикат, с которым заключил соглашение, чтобы поделиться коммиссионными — бесплатно — и сообщить о предложении Сандерса. Через десять минут ему перезвонили, уведомили, что всё улажено, и велели отдыхать. Синдикат займётся репортажем о готовящейся заливке. С лёгким сердцем Клифф поспешил в музей. Это место оказалось окружено тысячами любопытных, чей натиск сдерживал мощный полицейский кордон. В кои-то веки Клифф не смог пробиться; его узнали блюстители закона, которые всё ещё злились. Но ему было наплевать; он вдруг почувствовал беспредельную усталость. Клифф

вернулся в отель и лёг спать.

Он вздремнул всего несколько минут, когда его разбудила настойчивая трель звонка. Клифф ответил с закрытыми глазами. То беспокоил один из агентов синдиката с необычайной новостью. Только что объявился вполне себе живой Стиллвелл. Оба мертвеца оказались своего рода копиями; лектор не мог объяснить, откуда они взялись. Ибо у него не было братьев.

На мгновение Клифф полностью проснулся, а после снова погрузился в сон. Ничто больше не казалось фантастическим.

VI

В четыре часа пополудни Клифф с инфракрасным увеличителем через плечо — отдохнувший и посвежевший — вошёл в музейные двери, миновав кордон. Его ждали и не препятствовали. Стоило лишь взгляду зацепиться за Гнута, как молодого фоторепортёра охватило странное щемящее чувство, и по какой-то необъяснимой причине ему стало жаль гигантского робота.

Тот стоял так же, как и прежде: правая нога чуть выдвинута вперёд, а на лице застыло хорошо знакомое задумчивое выражение; но кое-что изменилось. Теперь робот находился внутри огромного стеклопластикового куба, покрывающего его от пяток до макушки и примерно на восемь футов вверх, а ещё на такое же расстояние в стороны. Гнут стал узником прозрачной тюрьмы, сдавливающей каждый дюйм поверхности тела и не допускающей даже малейшего подёргивания его удивительных мускулов.

Конечно, абсурдно сопереживать роботу, являющемуся всего-навсего неодушевлённой машиной, однако Клифф уже начал считать его живым существом, подобным человеку. Гигант демонстрировал целеустремлённость и волю; совершал разумные и осознанные поступки; выказывал скорбь и жалость; проявлял смелость в поединке с гориллой, а ещё деликатность в обращении с пересмешником и другими телами; он дважды воздерживался от того, чтобы раздавить Клиффа, когда на то, казалось, имелись все основания. Гнут живой, тут фоторепортёр не сомневался, что бы это «живой» ни значило.

Но у Клиффа имелась работа, а снаружи ждали представители радио и телевидения. Он повернулся и вышел к ним, чтобы заняться делом.

Час спустя Клифф восседал в пятнадцати футах над

землём, удобно устроившись на толстой ветке высокого дерева, растущего на почтительном расстоянии от музея, откуда через окно открывался прекрасный вид на верхнюю половину Гнута. В распоряжении фоторепортёра имелось оборудование: увеличитель, радиомикрофон, инфракрасная телекамера. Первый прибор — увеличитель — внешне напоминал большую лупу, позволяющую видеть укрупнённую фигуру робота в ночи так же хорошо, как при свете дня, а остальная аппаратура передавала любые визуальные образы и звуки, включая комментарии Клиффа, в несколько вещательных студий, ведущих трансляции сквозь космическое пространство на миллионы миль¹¹ во всех направлениях. Никогда ещё фоторепортёру не поручали столь важного задания, и уж точно не такому, который забывал про камеру в самый ответственный момент. Но теперь это осталось в прошлом, а Клифф был весьма горд и полностью готов к выполнению своих профессиональных обязанностей.

Множество любопытствующих взволнованных людей столпилось далеко за его спиной. Удержит ли Гнута стеклопластик? Если нет, то проснётся ли в нём жажда воздаяния? Выйдут ли из корабля невообразимые существа, чтобы освободить его, а затем и отомстить? Миллионы у радиоприёмников и телеэкранов нервничали; ждущие же в отдалении надеялись, что ничего страшного не произойдёт, но были готовы бежать, если вдруг случится беда.

По сторонам от Клиффа артиллеристы развернули мобильные лучевые батареи, а в неглубокой ложбине, что позади, нашёл укрытие пребольшущий танк. Все пушечные стволы наведены на центральный вход в музей. Прожекторные установки нацелены в том же направлении. Однако на прилегающей к музейному крылу территории имелось только одно место — ложбина, где притаился танк, — откуда снаряд, выпущенный в дверной проём, не причинил бы ущерба разросшейся столице и не явился бы причиной возникновения человеческих жертв.

Спустились сумерки; смотровой зал покинули последние офицеры, чиновники и прочие ответственные лица;

---

¹¹ 1 миля = 1,61 км.

лязгнули металлические двери, закрываясь на ночь. Вскоре Клифф остался в одиночестве, если не считать орудийных расчётов, рассредоточенных по округе.

Шли часы.

Выкатилась луна.

Клифф периодически докладывал, что всё спокойно. Гнут не был виден невооружённым глазом, за исключением двух алых точек его пламенеющих очей, но через увеличитель робот прекрасно просматривался с большого расстояния, как если бы находился в десяти футах. Не принимая во внимание два красных огонька, отсутствовали признаки того, что он являет собой нечто отличное от обыкновенной железяки, не имеющей жизненных сил.

Минул ещё час. Время от времени Клифф включал свой наручный радиотелевизионный браслет — всего на десяток-другой секунд за раз, экономя заряд слабой батарейки. Эфир полнился дебатами о Гнута; частенько на маленьком экране мелькало дерево и сам фоторепортёр, сидящий среди раскидистых ветвей. Мощные инфракрасные телевизионные камеры были установлены на крышах пикапов, стоящих за оцеплением, и направлены на Клиффа. Это вызывало забавное ощущение.

Вдруг фоторепортёр что-то заприметил, встрепенулся и бросил взор на увеличитель. Глаза Гнута двигались; по крайней мере, менялась интенсивность их свечения. Будто два крошечных фонарика поворачивали влево-вправо, а их скользящие лучики скрещивались с взглядом Клиффа.

Встревоженный фоторепортёр поднял радиомикрофон, подал сигнал студиям о выходе в прямой эфир и поведал о феномене. Миллионы откликнулись на тревогу в его голосе. Может ли Гнут разбить прозрачные оковы?

Проносились минуты; вспышки в глазах продолжались, но Клифф не мог различить ни единого шевеления металлического тела. Фоторепортёр кратко описывал видимое им. Гнут пробудился; не осталось сомнений, что он рвётся на волю из стеклообразного узилища, в котором наглухо заперт, но пока не справляется, потому-то и не видно никакого движения.

Клифф оторвал взор от увеличителя и вздрогнул. Его глаза, глядящие без оптики на робота, окутанного мраком,

уловили поразительную вещь, ещё не наблюдаемую через лупу ночного видения. Слабое розоватое мерцание распространялось по всей поверхности тела Гнута. Дрожащими пальцами Клифф перенастроил телекамеру на нужный режим, но даже без этого было видно, что интенсивность сияния увеличивается. Со стороны выглядело так, будто гигант раскаляется изнутри!

Фоторепортёр пояснял происходящее короткими возбуждёнными фразами, так как большую часть его внимания занимала работа с телекамерой. Гнут превратился в фигуру тёмно-красного цвета, отчётливо светящуюся теперь даже через увеличитель.

А потом он зашевелился!

Несомненно, он пришёл в движение!

Каким-то неведомым образом Гнут сумел повысить температуру собственного тела, найдя единственное слабое место стеклопластика, удерживающего его. Ведь материал, как теперь вспомнил Клифф, был термопластичным — затвердевающим при охлаждении и, наоборот, размягчающимся при нагревании. Робот плавлением прокладывал путь к свободе!

Клифф прокомментировал это в трёх словах. Гнут сделался вишнёво-красным, а острые грани куба округлились, и вся конструкция начала провисать. Процесс ускорился. Движения робота участились. Вот стеклопластик просел до уровня макушки, после — до шеи, далее — до талии, а ниже Клифф не мог видеть. Гнут освободился! А потом он скрылся из виду!

Фоторепортёр напряг слух, но ничего не уловил, кроме отдалённого рёва толпы за оцеплением и нескольких резких команд, прозвучавших возле мобильных лучевых батарей. Артиллеристы всё слышали по радио или видели на экранах своих браслетов... и ждали.

Прошло несколько минут. Раздался гулкий треск; огромные двери музея распахнулись настежь, и оттуда шагнул металлический гигант, который теперь уже не светился. Он встал как вкопанный, пронзая темноту блуждающим взглядом.

Голоса во мраке отдали приказы, ночь разорвал осле-

пительный свет прожекторов, и через мгновение в тело Гнута впились смертоносные обжигающие лучи. Металлические двери за его спиной расплавились с шипением, но зелёный гигант не получил никаких видимых повреждений. Затем, казалось, настал конец света; раздался оглушительный рёв, и всё пространство перед Клиффом потонуло в дымном хаосе взрывов, а дерево закачалось так, что фоторепортёр чуть не сорвался вниз. С неба посыпались куски бетона и комья земли. Это заговорила танковая пушка, и не было сомнений в точности ведения огня.

Клифф, крепко держась за ветки, вглядывался в клубы дыма. Когда они начали рассеиваться, он заметил какое-то смутное шевеление среди груды обломков, а после безошибочно узрел, как Гнут поднимается на ноги. Робот медленно встал и вдруг по широкой дуге метнулся к бронированному здоровяку. Танковая башня стала поворачиваться, стараясь взять робота на прицел, но тот оказался резвее и бесцеремонно оторвал пушку. Когда экипаж в ужасе разбежался, гигант одним ударом кулака расколол башню, а потом оценивающе взглянул на фоторепортёра.

Через мгновение робот оказался под деревом. Клифф забрался выше. Гнут, обхватив шершавый ствол могучими руками, дёрнул вверх, и дерево, вырванное с корнями, завалилось на бок. Гигант поймал фоторепортёра, пытающегося неуклюже отползти подальше.

Клифф думал, что отпущенное ему свыше время вышло, но впереди ждали странные открытия. Робот не навредил. Он посмотрел на фоторепортёра с расстояния вытянутой руки, а после усадил верхом к себе на шею. Осторожно придерживая его за лодыжку, гигант без колебаний зашагал на запад.

Беспомощный Клифф видел, как следят за их продвижением стволы орудий. Гнут и он сам — их единая цель. Но они не стреляли. Робот, водрузив Клиффа на шею, обезопасил себя.

Гнут направился напрямиком к Приливному бассейну. Он благополучно миновал мобильные лучевые батареи. Клифф увидел, как далеко позади тёмная волна прорывает оцепление. Впереди живое кольцо быстро подалось в стороны; отовсюду, кроме фронта, хлынули людские потоки, и

стали слышны отдельные возгласы. Толпа остановилась в пятидесяти ярдах, не отваживаясь подойти ближе.

Робот не обращал на неё никакого внимания, а свою ношу замечал не больше, чем муху. Шея и плечи гиганта были твёрдыми, словно сталь, но с той разницей, что их мышцы напрягались при каждом движении, совсем как у человека. Фоторепортеру эта металлическая мускулатура казалась истинным чудом.

Клифф, уподобляясь пчеле, нёсся над дорожками, газонами и сквозь ряды парковых деревьев, а многоголосый гул следовал по пятам. В вышине кружили военные самолёты, а над

головой проносились полицейские аэролёты с нервно надрывающимися сиренами. Впереди лежали тихие воды Приливного бассейна, посреди которых высилась мраморная усыпальница Клаату, казавшаяся чернильно-чёрной и мертвенно-холодной в свете дюжины прожекторов, освещающих её по ночам. Что это за неожиданное свидание с покойным?

Без колебаний Гнут ступил в воду. Она дошла до колен, после — до пояса и продолжала подниматься, пока не коснулась ног Клиффа. Прямо сквозь тёмные воды к мавзолею робот прокладывал путь.

С каждым шагом чёрная глыба сверкающего мрамора увеличивалась в размерах, становилась всё выше и выше. Тело Гнута поднималось из воды по мере того, как уклон дна полз вверх, пока мокрые ноги гиганта не ступили на каменную лестницу, вздымающуюся под углом наподобие пирамиды. Вскоре робот очутился на вершине, где по центру широкой площадки располагался продолговатый саркофаг.

В золотистом свете прожекторов гигант один раз обошёл вокруг него, а после, наклонившись, с силой толкнул крышку. Мрамор треснул; массивная плита со скрежетом отъехала в сторону и грохнулась об пол, расколовшись на куски. Гнут опустился на колени и заглянул внутрь, подняв Клиффа над краем саркофага.

Окутанный электрическим сиянием, там находился прозрачный пластиковый гроб, толстостенный и запечатанный на века, вмещающий в себя всё, что было смертным Клаату, невыслушанным посланцем из великого Неизвестного. Человек лежал, будто спал, а на нетленном лице застыло благочестивое благородство, заставившее некоторых невежд поверить в его божественное происхождение. Облачён он был в то самое одеяние, в котором и прибыл. Здесь отсутствовали увядшие цветы, драгоценности, украшения; это выглядело бы истинным богохульством. У подножия гроба стояла небольшая коробочка, отлитая всё из того же прозрачного пластика, в которой хранились документальные свидетельства визита Клаату — подробнейшее описание событий, фотографии Гнута и корабля, а ещё маленький рулончик киноплёнки с записью последних немно-

словных мгновений его жизни.

Клифф сидел неподвижно, жалея, что не может заглянуть в лицо Гнуту. Робот не двигался с места благоговейного созерцания. На вершине ярко освещённой пирамиды и на глазах у взволнованной шумной толпы Гнут отдавал последнюю дань уважения своему обожаемому повелителю.

Внезапно всё закончилось. Гигант протянул руку, взял коробочку, поднялся на ноги и стал спускаться по ступеням вниз.

Через воду, лужайки и парки пролегал его обратный маршрут. Перед ним таяло хаотичное людское кольцо, а сзади любопытные следовали по пятам так близко, как только осмеливались, топча друг друга в стремлении удержать робота в поле зрения. Видеоматериалы, демонстрирующие возвращение Гнута, были разрозненны и немногочисленны. Пикапы телевизионщиков не выдержали передвижения по пересечённой местности и сломались по пути к мавзолею.

Когда Гнут приблизился к музею, Клифф увидел, что снаряды, выпущенные танком, превратили дверной проём в двадцатифутовую дыру высотой от земли до крыши. Гигант, почти не сбавляя своего безудержного ритма, перебрался через обломки и пошагал к кораблю. Фоторепортёр задался вопросом, освободит ли его робот?

Так оно и вышло. Гнут поставил Клиффа на пол и указал в направлении выхода из смотрового зала; после, повернувшись, издал звуковую последовательность, открывающую корабельный люк. Пандус скользнул вниз, и робот поднялся на борт.

Затем Клифф совершил безумный и смелый поступок, прославивший его имя. Как только пандус начал задвигаться, фоторепортёр вскочил на него и одним прыжком очутился внутри корабля. Люк закрылся.

VII

Царила крошечная тьма и абсолютная тишина. Клифф не двигался. Он чувствовал, что Гнут близко, и это было так.

Твёрдая металлическая рука обхватила его за талию, приподняла, прижала к холодному боку и понесла куда-то вперёд. Светильники, скрытые в стенах, внезапно залили окружающее пространство голубоватым сиянием.

Гнут опустил Клиффа на пол и стал его разглядывать. Молодой фоторепортёр уже пожалел о своём опрометчивом поступке, но гигант с непостижимыми глазами не казался сердитым. Робот указал на сиденье в углу. Клифф моментально подчинился и покорно присел, робко озираясь по сторонам.

Он увидел, что оказался в просторной лаборатории. Причудливое оборудование из металла и пластика теснилось вдоль стен, а также заполняло несколько небольших столиков; Клифф не мог распознать или угадать назначение ни одного из приборов. По центру возвышался длинный стол, на котором громоздился ящик, очень похожий на гроб, соединённый множеством проводов со сложным устройством, расположенным в дальнем конце комнаты. С потолка свисала мощная многотрубчатая лампа, конусом испускающая поток яркого света.

Одна вещь на соседнем столике показалась знакомой... и совсем неуместной. С того места, где сидел Клифф, казалось, что это портфель... обыкновенный земной портфель. Фоторепортёр не поверил собственным глазам.

Гнут, не обращая на него внимания, сразу же узким лезвием одного из инструментов срезал крышку маленькой коробочки с записями. Он достал рулончик киноплёнки и провёл около получаса, пристраивая её в аппарат, установленный перед столом. Клифф, дивясь мастерству робота,

зачарованно наблюдал за умелыми движениями крепких грубоватых пальцев. Гигант, покончив с этим, долго возился с каким-то вспомогательным агрегатом, размещённым неподалёку. Он мгновение помедлил, а после задвинул внутрь длинный стержень.

Из ящика, напоминающего гроб, донёлся голос... голос убиенного посланца.

— Я — Клаату, — прозвучали слова, — а это Гнут.

«Отрывок записи!» — промелькнула мысль в голове Клиффа. Первое и единственное, что успел произнести визитёр. Но в следующую же секунду фоторепортёр обнаружил, что ошибся. В ящике находился человек! Мужчина пошевелился и сел, а Клифф узрел лицо живого Клаату!

Посланец выглядел несколько удивлённым и быстро заговорил с роботом на незнакомом языке, а Гнут, впервые на памяти Клиффа, ответил. Речь гиганта по-человечески переполняли эмоции, и на лице Клаату лёгкое удивление сменилось крайним изумлением. Они беседовали несколько минут. Клаату, утомившись, начал было ложиться, но приостановился, заметив Клиффа. Робот принялся что-то растолковывать посланцу. Клаату рукой поманил Клиффа, и тот приблизился к нему.

— Гнут поведал мне обо всём, — изрёк он низким приятным голосом, затем некоторое время молча рассматривал фоторепортёра, и его губы растянулись в приветливой улыбке.

У Клиффа имелась сотня вопросов, однако он едва осмелился открыть рот.

— Но вы... — начал фоторепортёр очень почтительно, едва скрывая растерянность. — Вы же не тот Клаату, который покоится в мавзолее?

Мужчина устало покачал головой, и улыбка угасла.

— Нет.

Он повернулся к гиганту, сбоку нависающему над ним, бросив лишь одну короткую фразу на своём родном языке, и при этих словах металлические черты лица робота исказились, словно от нестерпимой боли. Клаату вновь обратился к Клиффу.

— Я умираю, — просто объявил он, будто переводил вышесказанное для землянина. Опять на его устах появи-

лась слабая улыбка.

Клифф онемел. Он ошеломлённо хлопал глазами. Визитёр, очевидно, угадал его мысли.

— Вижу, ты не понимаешь, — молвил Клаату. — Гнут обладает куда как большими способностями, чем мы. Когда в возведённом музейном крыле началось чтение лекций, на него снизошло поразительнейшее озарение. Долгими ночами он собирал это устройство... и теперь возродил меня, взяв за основу голос, записанный твоим народом. Каждое живое существо обладает индивидуальным звуковым кодом, присущим только ему одному. Гнут сконструировал устройство, которое всецело анализирует звук и на основе полученных данных формирует новое тело.

Клифф ахнул. Так вот оно что!

— Но тебе не нужно умирать! — с жаром воскликнул Клифф. — Голосовая запись сделана, когда ты только вышел из корабля и на тот момент был здоров! Позволь мне отвезти тебя в больницу! Наши врачи очень искусны!

Клаату едва заметно покачал головой.

— Ты всё ещё не понимаешь, — сказал он медленно и более тихо. — В вашей записи имеются изъяны. Незначительные, но губительные. Гнут проинформировал меня, что все образцы, созданные в ходе экспериментов, погибали через несколько минут... и я не стану исключением.

Внезапно Клифф ухватил суть «экспериментов». Он припомнил, что в день открытия музейного крыла один из сотрудников Смитсоновского института потерял портфель, содержащий плёнки со звуковыми записями голосов различных представителей мировой фауны. Портфель, преспокойненько лежащий на столике! А Стиллвеллы, судя по всему, были сотворены на основе плёнок, хранящихся в ящике стола!

Клифф ощутил тяжесть на сердце. Он не хотел, чтобы Клаату умер. Вдруг его осенила мысль. Фоторепортёр с нарастающим волнением принялся излагать её:

— Ты утверждаешь, что запись небезупречна, и я с этим полностью согласен. А причина кроется в использовании несовершенного записывающего оборудования. Если бы Гнут получил в своё распоряжение ту самую аппаратуру,

с помощью которой записан твой голос, то дефекты можно было бы вычленишь, изучить, устранить, и ты бы жил, а не умирал!

Как только последние слова слетели с губ, гигант по-кошачьи резко развернулся и крепко сжал плечи Клиффа. На металлическом лице читались поистине человеческие переживания.

— Дай мне эту аппаратуру! — приказал робот на чистейшем и безупречнейшем английском языке. Он начал подталкивать Клиффа к выходу, но Клаату поднял руку, останавливая его.

— Спешить некуда, — обречённо вздохнул посланец. — Для меня уже слишком поздно. Как тебя зовут, молодой человек?

Клифф представился.

— Остаешься со мной до конца, — попросил Клаату. Он прилёг, утомившись, и смежил веки; затем, чуть улыбнувшись, добавил: — Не печалься, ведь теперь я, возможно, снова буду жить... благодаря тебе. Боли нет...

Голос быстро слабел. Клифф же, невзирая на все вопросы, вертящиеся на языке, мог только тупо смотреть. И визитёр в очередной раз словно прочёл его мысли.

— Я знаю... — прошептал Клаату, — знаю... Нам многое нужно спросить друг у друга. О вашей цивилизации... и цивилизации Гнута...

— И твоей, — вставил Клифф.

— И Гнута, — поправил посланец. — Возможно... когда-нибудь... возможно, я ещё вернусь...

Он умолк и лежал без движения. Клифф понял, что Клаату умер. Слезы сами собой навернулись на глаза; за эти несколько минут ему стал очень близок этот человек. Клифф взглянул на Гнута. Робота тоже огорчила смерть Клаату, но его очи, полыхающие алым огнём, не наполнились слезами; они были устремлены на фоторепортёра, точно знающего, что на уме у гиганта.

— Гнут, — выпалил Клифф со всей серьёзностью, будто давая священную клятву, — я достану нужную аппаратуру! Я принесу её! Раздобуду каждую деталь!

Сохраняя молчание, Гнут повёл его по гулким корабельным коридорам. Он издал звуки, отпирающие люк. Ко-

гда тот открылся, шумная толпа, собравшаяся снаружи, чуть не устроила массовую давку в стремлении убраться куда подальше. Смотровой зал оказался ярко освещён. Клифф спустился по пандусу.

Следующие два часа ходили для Клиффа на сон, навсегда застрявший в памяти. Словно всё произошедшее с ним в таинственной лаборатории являлось важнейшим отрезком его жизненного пути, а сцена с серьёзными представительными мужчинами, которых он убеждал, была всего лишь грубой варварской интерлюдией. Клифф не отходил далеко от пандуса. Он лишь выборочно рассказал свою историю, намеренно упустив некоторые факты. Ему поверили. Фоторепортёр спокойно ждал, пока всё давление, которое могли оказать высшие должностные лица страны, было направлено на то, чтобы как можно скорее получить аппаратуру, требуемую роботом.

Когда же аппаратуру привезли, Клифф перенёс её на борт, оставив на полу широкого вестибюля, начинающегося сразу за люком. Там его ожидал Гнут. В объятиях он сжимал стройное тело второго Клаату. Гигант осторожно передал свою ношу Клиффу, безмолвно принявшему её, как будто происходящее было заранее обговорено. Это смахивало на прощание.

Из всего, что Клифф хотел сказать Клаату, одно неотступно присутствовало в его сознании. Теперь, когда робот стоял в проёме люка, а сам он уже сошёл по пандусу на землю, фоторепортёр воспользовался своим шансом.

— Гнут, — решительно заявил он, бережно держа бездыханное тело на руках, — ты должен сделать для меня одну вещь. Слушай внимательно. Я хочу, чтобы ты сказал своему повелителю — повелителю, который ещё вернётся, — что случившееся с первым Клаату было несчастным случаем, о котором все земляне безмерно сожалеют. Ты обещаешь?

— Я знаю это, — с мягкостью в голосе ответил робот.

— Но обещаешь ли ты передать сказанное мной своему повелителю, как только он возродится?

— Ты неправильно понял, — всё так же мягко произнёс Гнут и тихо добавил ещё четыре слова. Как только

Клифф услышал их, его глаза словно туманом заволокло, а тело онемело.

Когда он пришёл в себя и смог сфокусировать взгляд, то увидел, как огромный корабль исчез. Его просто вдруг не стало. Молодой фоторепортёр отступил на шаг или два. В ушах гулким колокольным набатом звенели последние слова Гнута. До своего смертного часа Клифф никому не раскроет их.

— Ты неправильно понял, — изрёк могучий робот. — Я и есть повелитель.

Перевод с английского: Б. Савицкий, 2022 г.

Редактура: И. Самойленко

Иллюстрации: F. Kramer